

Архивиты и факты. 1992. - дек. (№48). - С. 7
Эклектика пола

Окончание. Начало на с.1

- Но как все эти разные произведения уживаются в структуре "театра Виктюка"?

- Мне кажется, сейчас, в конце столетия, во главу угла должен встать синтез. И в искусстве должна быть своеобразная эклектика из всего того, что было найдено в XX веке. Практически это и есть мой стиль - сознательный эклектизм, стирание граней жанров и стилей.

- Вы и актеров подбираете самых неожиданных - Наталью Макарову, Эрика Курмангалиева. Чем диктуется такой выбор?

- Пьесой. Такова структура нашего частного театра - для каждого спектакля я подбираю свою труппу, которая идеально, как мне кажется, соответствует данной пьесе. Поэтому я всегда говорю, что актеры, которые у нас работают, - это поштучный товар. Их нельзя заменить одного на другого. Если кто-то заболевает, спектакль отменяется.

- А "Венеру в мехах" Мазоха вы собираетесь снимать со своими актерами?

- Конечно. Этот фильм так и задумывался. Я давно уже вижу своих ребят в кино, вижу, что у них это неплохо получается, - и вот возникла идея сделать фильм для тех, кто играет в нашем театре.

- Раз уж мы заговорили о кино, каковы ваши пристрастия в кинематографе?

- Одно пристрастие - Висконти.

- В одном своем интервью вы сказали, что театр не нужен народу. Для кого тогда вы работаете?

- Для себя. Вообще же я думаю, что театр должен существовать, как и существует он во всем мире, для избранных. Театр элитарен по самой своей природе, он предназначен для тех, кому искусство действительно необходимо для постижения прежде всего самих себя. И тогда естественно, что круг интересующихся театром будет избранным. Театр должен быть аристократичен, аристократичен - значит качественен.

- А роль театра в общественной жизни - какой вы ее видите?

- Это зависит от структуры, в которой театр функционирует. Скажем, во времена застоя естественной функцией театра было открывать раны. Поэтому тогда были Вампилов, Петрушевская, Родин - те драматурги, которые имели смелость говорить о том, что неблагоприятно. Теперь же все это на виду, и наши задачи изменились. Нельзя без конца говорить человеку о том, что у него плохо, - он может потерять веру. И я думаю, что как раз вопросы веры, духа выходят сейчас на первый план. Только сегодня они требуют новых подходов и новой формы.

- Отсюда ваш интерес к пластике?

- Пластика мне интересна, потому что человек, я думаю, на 90% говорит неправду: "Мысль изреченная есть ложь" - это Тютчев. Слово, особенно в XX веке, - всего лишь шифр. В пластике же мы реализуем себя куда более откровенно. Пластика - это постижение подсознательного. Вот почему я думаю, что в ближайшее время в театре

произойдет великий поворот к структуре пластики.

- А никогда у вас не было желания уехать и работать за рубежом - может быть, там ваши устремления скорее поймут?

- Уехать совсем? Что вы, нет! Там же театр совершенно не нужен. Это сытое общество, сытые люди, у которых все есть, и только для лучшего пищеварения нужна какая-то развлекательная структура - театр. У них в этом смысле такой же упадок, как у нас, и даже еще хуже.

- Вы так пессимистично говорите...

- А я и есть пессимист. Наш век - плебейский. Цивилизация, поглотившая культуру, выдвигает свое бесовское искусство. Мы же лишь пытаемся ему противостоять.

- А как вы живете за стенами театра?

- Никак не живу. Я с утра до ночи то в одном, то в другом храме - то за границей ставлю что-то, то здесь. Иногда нахожу время послушать музыку - вот единственное мое увлечение. А что может быть еще? Другого спасения нет.

- О некоторых своих планах вы уже рассказали, а какой из ваших замыслов вам самому кажется самым грандиозным?

- Поставить первую строчку Евангелия от Иоанна: "В начале было Слово..." Взять Слово и показать, как на протяжении веков оно существовало, как пришло к нынешнему обесцениванию слов, довести до наших дней через Джойса, Кафку, абсурдистов, постмодернистов - и все это средствами театра. Представляете, какой мог бы получиться спектакль!

Беседовал О. ГОРЯЧЕВ